

- [Вагнер Николай Петрович](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вагнер Николай Петрович

Майор и сверчок

Н. П. Вагнер

Майор и сверчок

Эй! Иван! Тащи паровоз! Мы поедем через Китай прямо в Ямайку!

И тотчас же Иван-денщик тащит небольшой походный самовар красной меди и ставит его на стол.

Он очень хорошо знает, чего требует майор, потому что каждый вечер аккуратно майор ездит через Китай прямо в Ямайку. И несет Иван Китай, в маленьком ящичке из карельской березы, который попросту называется чайницей. Несет он и чайник, и стакан, и самую чистейшую ямайку в высокой бутылке с раззолоченным ярлыком.

Пьет майор стакан, пьет другой. В самоваре красной меди видно его красное лицо с вспотевшим лбом и длинными усами.

- Ну, - думает майор, - теперь я в самой Ямайке!

А самовар шумит: шу, шу, шшу! Вот уж пятнадцать лет, как тебе я служу. Бывал я с тобой в разных походах и разные виды видал. Стары мы, стары мы с тобой, старина. Шу, шу, шшу!

- Ну, это - старая песня, - говорит майор. - Нет ли чего поновее?

- Шшу, шшу, шууу! - шумит самовар. - Был я нов, молод и свеж, это было давно, это давнишняя старая песня. Меня родила на свет мать сырая земля. Долго, долго в ее тайниках я лежал. Наконец, увидел я свет. Меня бросили в печь и там - шуу, шу, шу, - я весь растопился и потек, полился огненной яркой струей - ши, ши, ши, и застыл, и очутился блестящим медным куском. Стали опять меня топить и ковать. Шту, шту, шту, шту, шту!..

- Послушай! Нельзя ли обойтись без шума? Рассказывай, да не шуми!

- Не могу! Я уж так привык, а привычка вторая натура. Шу, шу, шу, когда в первый раз меня поставили на ноги, все заблестело, все отразилось во мне, и я увидал и черные рабочие руки, и славные загорелые лица рабочих. Они все трудились в поте лица, стучали, шумели, - шу, шу, шу! Шту, шту, шту! Когда ж поставили в первый раз в жизни меня, тут кипучая жизнь заиграла во мне и я весь закипел и запел громкую, веселую песню, шу, шуу, шуууу! - Вспомни же, вспомни, старый товарищ! Сколько раз, после длинной и грязной дороги, под ветром холодным и мелким дождем,

вы собирались в палатке, вокруг старого друга - меня, и блестели, сияли весельем во мне ваши веселые лица, и поил и грел я вас, и пел я мою старую песню! Шу! Шу! Шу!

- Эх! все это было, черт возьми, - вскричал майор, - действительно было! Веселое, старое, походное время! - И он выпустил целое облако дыма из своей длинной трубки.

- И где ж они теперь, - продолжал самовар, - наши старые друзья удалые, собутыльники лихие?! Одни давно уже легли на кровавом поле. Их завидная доля!

Другие вперед убежали, генералами стали. А мы остались с тобою одни, и сидишь ты теперь одинокий, в деревенской избе. Стары мы, стары мы с тобой, старина! Шу, шу, шу!..

- Да! - говорит майор, - видно, судьба обошла нас. Будем жить не тужить, век доживать, - и он выпил третий стакан. Эх, поскорее бы добраться до Ямайки! Да! Да!

Остались мы одни с нашими длинными усами. Ну, да таких длинных усов зато ни у кого на свете нет, и он расправил и покрутил их.

- Чили-тили, чили-тили! Какой вздор, совершенная ложь, у меня гораздо длиннее усы. Чили-тили, чили-тили.

- Это еще что за песня! - закричал майор и повернулся к печке, а из-за печки смотрел сверчок и дразнил майора своими длинными усами.

- Откуда пожаловал?! А? что за птица? Каждый сверчок знай свой шесток!

- У меня нет своего шестка. Чили-тили, чили-тили. Но зато я всегда сижу за чужой печкой. Сижу и пою: чили-тили! чили-чили-тили! А если ты хочешь знать, откуда я пришел, так это я тебе сейчас доложу. Был я, генерал ты мой, у соседа, на тараканьем балу. Народу была бездна. Целый угол за печкой битком набит тараканьем. Угощение было: корочка сухого хлеба, прокислый творог и телячья косточка. Одним словом, все было очень прилично. Тараканы вели себя великолепно. Старые очень важно разглаживали усы. Молодые, со шпорами на ножках, расшаркивались перед дамами. А дамы были все премилые таракашки. В особенности одна, такая тоненькая, рыженькая. "Сударыня, - сказал я, - у вас премиленькая, маленькая ножка. Чиль-тиль, чиль-тиль!" Но она тотчас же спрятала ножку под крылышко и опустила усики к земле. - "Я, - говорит, постоянно хожу за моей мамашей, вы верно знаете мою мамашу, она ходит с таким большим яйцом". Просто милашка-таракашка!

- Ах, черт возьми! - вскричал майор, - ведь и я был молод, и молодец хоть куда! - и он допил четвертый стакан.

- Чили-тили! Чили-тили! Тиль, тиль! Тиль! Кто не был из нас молод? И я помню мою молодость. Но это было давно. В тихий весенний вечер. - Я так сладко пел, как поют только в первый и в последний раз в жизни. Я пел за большой изразцовой печкой у помещика. А в комнату несся запах сирени, запах молодых первых белых и душистых ландышей. Я пел из всех сил моих молодых, певучих крыльев, а барышня сидела за фортепиано и изо всех сил играла старую песню о том, как гнался лесной царь, с большой бородой и в темной короне, гнался по темному лесу за маленьким мальчиком. Ах, как плакал бедный мальчик и как страшно стучал лесной царь по клавишам! Так что все фортепиано дрожало. Наконец, умер бедный мальчуган. Тихие струны торжественно прозвенели в воздухе и затихли навеки. И в этой тишине я вдруг услышал позади себя робкий шепот. Я оглянулся - это была она. Понимаешь ли ты? Она - моя добрая, тихая подруга моей скромной, уютной жизни! Сквозь стук лесного царя и гром бури она все-таки услышала мою простую, безыскусственную песню и пришла ко мне! Понимаешь ли, что это было хорошо? Тиль! Тиль! Тиль! Тиль!

- Эх! - вскричал майор, стукнув по столу кулаком, - ведь это действительно хорошо, но этого я никогда не испытывал, а тоже был молод. - Ах, скоро ли я доберусь до Ямайки?! - И майор выпил еще стакан, но который - он уже и сам не помнил. - И зажили мы с ней, - продолжал чиликать сверчок, - у помещика за печкой. Ах, как хорошо нам было там, с нашими маленькими сверчатками. В темные осенние ночи, как теперь, она сидела подле меня, моя добрая подруга.

- Эх ты! - вскричал майор и ничего больше не сказал. Он только крепко прижал к сердцу свою длинную трубку. Но ведь это была не подруга жизни, а простая, обыкновенная походная трубка.

А сверчок продолжал свою песню.

- И рассказывал я своим сверчатам длинную, бесконечно длинную, старую сказку о том, как дерутся домашние сверчки с полевыми. Прежде, в старое, старое время, все сверчки были один народ и все жили без затей в норах, в чистом поле, но как завелись около сверчков люди, то многие заползли к ним в теплые избы. Кто же, скажи, не ищет себе места, где потеплее и получше? На что простая рыба, и та ищет, где глубже!..

- Да! Да! - сказал майор и понурил свою седую голову, - потому что он во всю свою жизнь не искал где глубже, зато теперь он с удовольствием опустил бы в самую глубину Ямайки.

- И вот, не скоро только сказка сказывается, а гораздо того скорее стали мы, запечные сверчки, совсем другими. Стали мы народ хилый, плохой, и

полевые сверчки стали для нас совсем чужие. С этих самых пор пошла у нас рознь, ссоры и распри. Выйдем все, бывало, из-за печек в поле, построимся в шеренги, впереди скачут сверчки-музыканты; скачут туда-сюда сверчки-адъютанты. Вперед, братцы, вперед! - кричат сверчки-генералы...

- Вперед! - закричал и майор, бодро вскочив с кресел, но тотчас же оперся на стол, потому что и стол, и пол, и все под ним и перед ним качалось точь-в-точь, как бывает на море в бурю. И немудрено! Ведь он ехал в Ямайку, которая лежит на самом море, а в сердце майора бушевала сильная буря.

А сверчок продолжал:

- И пойдет у нас свалка, - пыль столбом, дым коромыслом. Полевые сверчки все больше берут нахрапом, да силой. Скачут, летят они со всех сторон.

И майору кажется, что действительно со всех сторон летят черные сверчки. Они носятся в облаках табачного дыма, летают над свечкой, цепляются за длинные усы майора. Он их ловит, ловит и не может поймать. А сверчок запечный по-прежнему сидит за печкой и рассказывает свою бесконечную сказку, все громче и громче, как будто над самым ухом майора кричит он без умолку: Чиль-тиль, чиль-тиль, чиль-тиль!

- Бьемся мы час, бьемся и два, - кричит он, - щиплем их, треплем, а они все прибывают и, наконец, начинают одолевать нас: тогда мы бросаемся врассыпную по широкому полю. И, наконец, спасаемся мы за наши печки. Чуть не каждый день идут у нас битвы, целые длинные годы. Старые седые сверчки говорят, что, наконец, настанет время, когда улягутся все раздоры, и все мы, сверчки, по-братски соединимся в один народ, в одно стадо... Да видно это блаженное время тогда настанет, когда ни одного сверчка на свете не будет! - И сверчок пропел свое грустное, последнее: Чиль-тиль! - и замолк.

А майор?.. Но майор уже давно ничего не говорил!

Свечка догорела, самовар потух, трубка погасла, а сам майор лежал истым богатырем просто на полу, подле кресла, и храпел по-богатырски...

Ах! наверно теперь он был в самой Ямайке!..

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)